

Люба МАКАРЕВСКАЯ

Люба Макаревская, поэт, прозаик. Родилась в 1986 году в Москве. Стихи и проза публиковались в журналах «Транслит», «Воздух», «Волга», «Носорог», «Зеркало», «Новое литературное обозрение», а так же на сайте «Сноб» и в ряде других сетевых изданий. В 2017 году выпустила альманах «След», посвященный теме насилия. Автор книги стихов «Любовь» (серия «Поколение», издательство «Арго-Риск»).

Сколько раз
я разрежала зрение
раз за разом
раз за разом
раз за разом
да, как тело
живого свидетеля
измельчая
предавая кровь
и теперь снятое
лицо истерики
лежит передо
мною как первый
и вечный ожог.

Утром мы избавили
себя от страданий
и вышли в белый сад
Ради одного только
зрения им касались
рук всех причастных
Становясь осадком
на ладонях пальцах
мягких тканях языках
Как это помнить
теперь?
Ведь не ты не я
не скажем
что это всего лишь
упражнение?
В сетях статичного

электричества
в пространстве
без воздуха.

Я приняла свой
окончательный вид
как поверхность
зеркала обращенная
в свет солнцем
или чужой волей
в осколки.
И я застыла здесь
как лед
его запах
под языком
абвгд
буквы вырванные
с корнем
Из нижнего нежного
горла
/Во имя любви?/
И небо поднялось
во мне как в других
беззастенчиво как
волна тошноты
Тонкий голубой
пергамент застывающей
у линии обрыва
где глаза ищут
свидетельств
Чтобы растворить
их
как знание
внутри крови.

И мы разбили
память
так словно

уничтожили ее
первым же
криком.
И за завесой
вымершей
истребленной речи
в темноте
остались порознь.
Как бы каждый
из нас
реабилитировал
другого
не ради себя
но ради возрождения
зрения.

Конечность этих
комнат
запечатленная свечением
иллюминации
последняя из фраз
ты говорил так
венчая любовь
и смерть между
верхней и нижней
губой
и слова как ангелы
войны
не видя нас
не зная нас
говорили быстрее
двух застывающих
в электрическом свечении
в тающем лесу
подмосковья
Машина переворачивается
обретая свое истинное тело
и утверждая тело другого
в смерти и звезды
входят под язык

как кровь под ногти
как вся субстанция
когда один целует другого
прежде чем огонь приговаривает
их к друг другу
превращает их в памятник
из кожи и металла.

Как долго
я искала слова
чтобы обратить
соль на кончике
языка
во взрыв
Там где вода
обретает тепло
отдаваясь зрению
испаряясь сразу
в кровь
Ты соглашаешься
видеть
живое как мертвое
мертвое как живое
Ради знания
о конце сюжета
о разрыве сетчатки
от радости узнавания
О языке животных
внутри вольеров
об обреченном звуке
закольцованном
в повторение
внутри немой
системы крови.

Когда ты снял
стыд на камеру
ради ненасытной

сетчатки
несколько молекул
взвизгнули
как летние стрекозы
перед расстрелом
и руки вдруг обрели
бессмертное
пространство белого
и детский смех
перестал быть
угрозой и для
меня
и для кожи
в ссадинах.

Они приходят приносят
дары для памяти
и языка
И застываешь посреди
вагона метро

Беспокойные волосы
все еще детский
затылок

/Со спины он был
похож на тебя и мне
хотелось окликнуть
его, чтобы говорить
с тобой/

Прежде чем взрывная
волна очистит
полость вагона
Запах сирени
вспыхивает
перемещаются млечные
тела убывания
и я тяну руку
к тебе в чистоте
взрывной волны

Секунду все
элементы движутся
как трава
на киноплёнке

И мир оборачивается
алчущим лицом
парадом флагов
сгустком молока
у десен словом
прощай.

Вычеркивая друг друга
до боли пробелов
до их конечного
совершенства
Когда стерильность
будущего и прошлого
возобновляется
речью
припадком слов
И твое отсутствие
целует мой лоб
и ниже начало
век становление
холодной пляски
В лесах вынесенных
за черту сияния
чтобы говорить
за нас о любви
и смерти о разрезанных
запястьях перед
белым лицом
обморока.

И ничем не отличалась
от других

отличалась ли
я?
Ее невольное желание
причинить
мне боль.
И токсичность
твоего отсутствия
в небе
уходящем в траур.
Меняющем оттенок
от каждой
полученной травмы
как тело влюбленного
обреченного
животного.
Медленное венчание
внутри крови
и всегда новое
и абсолютное
желание
причинять боль.

Растяжение губ
ветром
его словами
язык сердца
или
сердце языка?
И снимок где
солнце стирает
меня
утверждает меня
потому что ты
не захотел.
Только его
чистое движение
по моей коже
словно по снегу.
Она говорит:
– он захотел

узнать как
устроена я
или только я
захотела
узнать как
устроен он?
И далее
солнце движется
по поверхности снега
сглаживая ее
в предел
боли.

Воспоминания
как зона
опустошения
дорога памяти
открывается
перед глазами
как сад
за секунду
до цветения
или взрыва.

Земля расходится
швами
под ступнями
живых животных.

И слова
облепляют
твое лицо
как водоросли
тело утопленника
и заменяют его.

И я только
вскрыта
система матки
маточное
кровотечение

подобное водам
подмосковной реки.

Что ты испытываешь?
смотря на меня
брезгливость
или желание

Их всегда
очевидное соединение
под своей
кожей
как под кожей
новорожденного
существа
животного
зверя.